

выпадку адзін з іх можа наогул выйсці з актыўнага ўжытку і не стаць здабыткам літаратурнай мовы (першыя словы ў парах *наед* — *наедак*, *агідак* — *агіднік*). Тэндэнцыя да ўстанаўлення адназначнай адпаведнасці формы і зместу, фарманта і яго функцыі найбольш закранула аге́нтыўныя і абстрактныя назоўнікі, паколькі назвы канкрэтных прадметаў папаўняюцца намнога меншымі тэмпамі, утвараючы адносна замкнёны рад лексем.

Сярод самых прыкметных словаўтваральных інавацый савецкага перыяду адзначаецца буйны рост прадуктыўнасці суфіксаў *-іст*, *-ізм*, *-ацыя*, а таксама з'яўленне новых запазычаных фармантаў *-аж*, *-іяд(а)*, *-іян(а)*: *метраж*, *танаж*, *тыпаж*, *універсіяда*, *ленініяна*, *скарыніяна*. Асабліва яркай стала дэрывацыйная актыўнасць суфікса *-к(а)* пры кандэнсацыі словазлучэнняў у адно слова: *газіроўка*, *раёнка*, *трохтонка*, *шматтыражка*, *электрычка*. Значна ўзмацнілася ў літаратурнай мове роля малапрадуктыўнага ў гаворках спосабу словаскладання (*вагон-рэстаран*, *горад-герой*, *тэлефон-аўтамат*, *школа-інтэрнат*), а таксама іменнай прэфіксацыі (з'явіліся новыя прэфіксы тыпу *контр-*, *супер-*, *ультра-*, актывізаваліся некаторыя спрадвечныя: *звыш-*, *перад-*, *проці-*). Назіраецца працэс паступовага функцыянальнага пераходу найбольш частотных кампанентаў складаных назоўнікаў (*авія-*, *аўта-*, *аэра-*, *відэа-*, *гідра-* і інш.) у прыстаўкі праз стадыю прамежкавых марфем — афіксідаў. На пачатку XX стагоддзя ўзнік і бурна развіваецца прыныцпова новы спосаб утварэння назоўнікаў — абрэвіяцыя.

Усе адзначаныя працэсы абумовілі ўзмацненне аглутынатыўных рыс у мікрасістэме субстантыўнага словаўтварэння беларускай літаратурнай мовы. Асабліва выразна гэта тэндэнцыя праяўляецца на ўзроўні словаўтваральнай семантыкі (рост адназначнасці марфем, павышэнне выбіральнасці і спецыялізацыі афіксаў, іх цягаченне да больш вузкага кола асноў). Адносна структуры вытворных слоў названая заканамернасць характарызуецца некаторым памяншэннем ролі чаргаванняў на стыку асновы і суфікса. Безумоўна, росту аглутынатыўнасці беларускай словаўтваральнай сістэмы ў вялікай ступені садзейнічае ўплыў рускай мовы як на лексічным узроўні (запазычванне), так і на словаўтваральным (калькаванне)⁵. У працэсе ўзаемадзеяння дзвюх моўных структур сістэма беларускай лексічнай дэрывацыі не толькі пастаянна ўзбагачаецца новымі элементамі з блізкароднаснай мовы, але і значна актывізуе ўласныя сродкі і рэсурсы, што дае магчымасць у поўнай меры задаволіць патрэбы моўнай практыкі.

¹ Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155.

² Гл.: Владимирская Е. А. Словообразование и лексико-семантическая система говора // Вісник Київського ун-ту: Літературознавство, мовознавство. 1985. Вип. 27.

³ Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970. С. 279—280.

⁴ Гл.: Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969. С. 130.

⁵ Пра аналагічную тэндэнцыю ў рускай мове гл.: Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

С. М. ПРОХОРОВА

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОБЪЕКТА В ГОВОРАХ СМОЛЕНЩИНЫ

Сравнительно небольшая, примыкающая к Белоруссии территория русско-белорусских говоров Смоленщины (десять районов) характеризуется некоторым своеобразием в формировании синтаксического поля объекта. Под синтаксическим полем мы понимаем не только горизонтальные поля простого предложения, как считает ряд исследователей, через которые проходит «длинный семантический компонент» (по Ю. С. Степанову), но и вертикальные поля субъекта, предиката, объекта, различ-

ных обстоятельств, пересекающие поля простого предложения и находящие продолжение в сложном предложении и тексте. Наиболее общими свойствами синтаксических полей, как и других, могут быть признаны связь и взаимоопределяемость элементов поля, его упорядоченность, специфичность в разных языках, непрерывность. Широко представлена внутри синтаксических полей синонимия. Понятие «синтаксическое поле», введенное в лингвистику В. Порцигом в середине 30-х годов, постоянно уточняется.

Рассматриваемая сравнительно небольшая переходная языковая зона является периферийной и на некоторых участках, судя по лингвистическим картам, «вибрационной». Такие зоны не являются центрами инноваций. В вибрационных зонах, по свидетельству исследователей, «черты одного диалекта довольно беспорядочно и бессистемно перемежаются с чертами смежного диалекта». «Вибрация», — поясняет Н. З. Гаджиева, — верный признак того, что процесс интерференции языков происходит не особенно интенсивно, что может зависеть от целого ряда экстралингвистических факторов»¹.

На пограничной с Белоруссией территории Смоленщины (бассейн рек Западная Двина, Днепр, Каспля, Сож с притоком Вихра) издавна проживали кривичи и радимичи. Области восточных славян, в том числе кривичей и радимичей, следует рассматривать не как племена, а как союзы племен, процесс формирования которых особенно интенсивно протекал с V века². Отмечены диалектные явления, распространенные на очень небольших территориях, возможно, даже соответствующих в прошлом территориям расселения небольших племен в составе кривичей и радимичей. Это же характерно и для отдельных обстоятельственных полей, которые формировались в тесной связи с полем объекта, так как, по мнению исследователей, в самом объекте присутствует понятие внешнего предела, на который переходит действие, а поэтому сам объект часто получает дополнительные значения предела в широком смысле — цели, средства и под. Это способствует тому, что объект постепенно становится обстоятельством или вторым сказуемым³.

Поле объекта в иерархии синтаксических полей занимает третье место после поля предиката и поля субъекта и находится в теснейших связях с ними. От поля субъекта синтаксическое поле объекта отличается не столько формальным выражением, сколько семантикой. Объект — это то (тогда), что (кто) подвергается воздействию чего-либо (кого-либо). Если в гештальте поля субъекта, по Дж. Лакоффу, обязательно присутствует семантическое свойство «основная ответственность», и это свойство «отходит к глубинному подлежащему»⁴, то в поле объекта отсутствует это семантическое свойство. Формально в поле субъекта чаще выступает именительный падеж, а в поле объекта — винительный. Вместе с тем и в том и в другом поле употребляются и косвенные падежи.

Появление объекта в языке, как считают исследователи, связано со становлением категории вида, залога, переходности. Поле объекта на уровне простого и сложного предложения сформировалось в описываемых говорах по тем же принципам, что и в русском литературном языке, и также является полицентричным. В центре поля находятся микрополя собственно объекта, делиберативного объекта, объекта сравнения. Как и в русском литературном языке, на периферии поля находятся переходные объектно-обстоятельственные микрополя. Отсутствие четких границ между объектным и обстоятельственными полями — вполне закономерный семантический процесс, при этом чаще всего поле объекта в границах простого предложения пересекается с пространственным, локальным и целевым полем.

Диалектные отличия касаются в основном неэффективной переходности (по Г. Кёльну, Ю. С. Степанову), т. е. такой, при которой объект лишь участвует в действии, не подвергаясь реальному изменению, так как действие не выходит за пределы субъекта⁵.

Диалектные синтаксические явления в поле объекта выявляются:

а) на участках пересечения синтаксического поля объекта с функционально-семантическим полем (по А. В. Бондарко) одушевленности-неодушевленности; на этих участках выявляются конструкции типа *пасти коней / кони, доить коров / коровы, нашел гриба, плести венков* и под.; б) при компаративе, т. е. определенной лексико-грамматической группе слов, имеющей так называемый объект сравнения; в этом, одном из центральных микрополей, выявляются новации, захватывающие как большие, так и небольшие территории; в) при отдельных лексико-семантических группах глаголов, имеющих делиберативный объект; г) при отдельных глаголах, не являющихся так называемыми «семантическими примитивами», в частности при глаголах *смеяться* и *благодарить*.

Для формирования поля объекта в отдельных случаях важны не только лексическое значение предиката, но и коннотации, культурный фон предиката. При предикате *смеяться* в разных микросистемах описываемой зоны носители говоров отражают различные ситуации, которые можно свести к 5 типам: 1) отсутствие объекта (носители говора считают, что смеяться над кем-то грешно); 2) объектная конструкция присутствует. Чаще всего выступает балто-славянская новация *смеяться с кого-/чего-нибудь* (центр новации — литовская территория); в отдельных микросистемах фиксируется либо конструкция *смеяться для кого/чего* с выраженной положительной коннотацией, либо *смеяться против кого/чего* с отрицательной коннотацией; 3) в Велижском районе зафиксирована конструкция, соответствующая латышской, *смеяться про кого* с делиберативным объектом, т. е. глагол *смеяться*, как и в латышском языке, попадает в поле глаголов интеллектуальной деятельности; 4) переходные объектно-пространственные конструкции *смеяться кáлá, каля́ кого, ля кого, около кого*. Конструкции *смеяться кáлá, каля́, ля кого* являются, очевидно, кривичско-радимичской новацией и отмечаются и на белорусской территории (кроме этого, встречаются на белорусском и украинском Полесье); 5) оценочная конструкция *смеяться над кем*, т. е. субъект чувствует как бы свое превосходство над объектом (предлог *над* в этой конструкции имеет первоначальное значение компарации или меры, поэтому в отдельных славянских языках и употребляется при компаративе).

Результаты появления объекта при глаголе *смеяться* в разных языках и диалектах имеют значение не только для лингвистики, изучения языка мысли, но и для культуры в целом (к сожалению, подобная карта не предусмотрена в ОЛА).

Поле объекта формировалось, очевидно, долго, в том числе в рамках племенных границ, поэтому новации могли захватывать, как уже отмечалось, небольшие территории, что можно отнести и к обстоятельственным полям. Новации в поле предиката и субъекта, как правило, имеют всегда широкую территорию распространения, что отличает поля предиката и субъекта от объектных и обстоятельственных полей. На отдельных участках поля объекта выявляется переходный русско-белорусский характер говоров описываемой территории.

В обстоятельственно-объектных микрополях встречаются и западнославянские новации широкого распространения (центр — польские территории), к примеру, конструкции с предлогом *до* типа *идти до соседки*.

В поле объекта в составе простого предложения отмечено больше всего так называемых «синтаксических балтизмов». Отмечены балто-славянские новации очень широкого распространения типа *смелей за брата, смелей как/як брат* (последняя объединяет микрополе объекта сравнения простого и сложного предложения), *благодарить кому*. Менее широкое распространение имеют балто-славянские новации типа *смеяться с кого* и *идти в грибы*.

Обращает на себя внимание сгущение балтийских черт (и не только на синтаксическом уровне) в бассейне р. Сож и ее притока р. Вихра. В. В. Седов объясняет это несколько поздней славянизацией балтов в бассейне Сожа, что обусловило позднее расселение славян в радимичском ареале⁶.

Сложноподчиненное предложение на описываемой территории сложилось в рамках восточнославянского ареала, поэтому полонизмы и балтизмы в поле объекта на уровне гипотаксиса отсутствуют.

Поле объекта в сложноподчиненном предложении, как и в составе простого предложения, является одним из наиболее сложных как в семантическом, так и в структурном отношении. Как и в простом предложении, это поле полицентрично — в его центре также находятся микрополя собственно объекта, делиберативного объекта и объекта сравнения. Являясь полицентричным, поле объекта имеет на периферии целый ряд переходных обстоятельственно-объектных микрополей — поле объекта связано с полем времени, условия, цели, места, а также с полем определения. В силу того, что объектное значение часто пересекается с обстоятельственным, в поле объекта функционирует почти половина всех союзных средств, причем часть из них не принадлежит исключительно полю объекта, так как в центре полицентричного поля объекта функционирует немного союзных средств.

Семантическая сложность и неоднородность поля объекта сложного предложения настолько велика, что в синтаксической литературе часто придаточные предложения со значением объекта классифицируют по-разному — как изъяснительные, дополнительные, отдельно рассматривают сравнительные, косвенную и прямую речь и т. п. Эти предложения представляют один из типов конструкций, способствующих развертыванию текста на участке поля объекта.

В микрополе собственно объекта основным союзом в рассматриваемых говорах является восточнославянский союз *что*, который «в изъяснительной функции употребляется уже в XII—XIII вв. в произведениях, отражающих живой разговорный язык, однако господствующим средством связи придаточных дополнительных во всех жанрах литературы он становится в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках»⁷. В изучаемых говорах конструкции типа *яны увидили, што ён идёть* являются обычными для выражения собственно объекта.

В микрополе делиберативного объекта также функционирует союз *что*: *Я думая, што ён прійдзіць*. Особенностью этого микрополя является частое неразличение в говорах прямой и косвенной речи: *уаварю, што пачы хлеб*. В этом же микрополе для присоединения делиберативного объекта при глаголах с архисемой 'обращаться с целью получить ответ' = спрашивать используется *ти* или *как / як*: *Их спрасілі, ти ні вйдзілі ані дятэй; Спрасі, як / как ані жыўць*.

В микрополе объекта сравнения преобладают союзы *как / як* (как и в простом предложении, что отличает описываемые говоры от русского литературного языка, в котором *как* не выступает при компаративе). В переходных объектно-обстоятельственных микрополях употребляются союзные средства, функционирующие в обстоятельственных полях, — *калі, каб*: *Я хачу, кап ты пайшоў туды; Скажаш, калі паёдем у Смалёнск*.

Отличительной особенностью описываемых говоров является употребление наряду с *каб*, широко распространенным на белорусской территории, союза *чтобы (чтоб)*. Союз *каб* известен не всем микросистемам на исследуемой территории; если он известен, то чаще всего функционирует в составе трех синтаксических полей — объекта (где равен *чтоб*), цели и условия, причем, как правило, параллельно с другими средствами — либо диалектными (*як бы, кадаб*), либо известными и кодифицированному литературному языку (*если, чтобы*). Союзы *каб / чтоб* выступают в поле объекта при глаголах определенной семантики; это глаголы тех же лексико-семантических групп, что и в русском литературном языке при функционировании союза *чтобы* — чаще всего глаголы желания и близких по значению ЛСГ: *Хачу, кап ты прійшоў, сыноч*.

Как уже указывалось, поле объекта сложноподчиненного предложения имеет сложную и разветвленную структуру. Семантикой конструкции предопределяется выбор синтаксического средства (часто из обстоятельственных полей, выражающих переходные объектно-обстоятельственные

отношения): *Яны́ ждуть, паку́ль хэ́зьяин вё́рнеца; Ни скэ́зала, куды́ пэ́шла; Я ни зна́ю, які́ сячóння день.*

Союзное средство *как/як* в поле объекта сохраняет обстоятельственное (наречное) значение. Поэтому конструкции тяготеют к периферии поля объекта и поля обстоятельства образа действия, отражая такое свойство языковой системы, как непрерывность. Замена союза *что* союзными словами *как / як* стала возможной, когда в поле объекта сложного предложения начали выявляться разного рода оттенки, в силу чего конструкция *Ані́ уві́дзели, как / як прыйшо́л волк* семантически не равна находящейся в центре поля объекта конструкции *Ані́ уві́дзели, што прыйшо́л волк.*

Синтаксическое поле объекта в простом и сложном предложении имеет одинаковое количество семантических центров и развивалось в семантическом отношении однотипно, получив разное формальное выражение, соответствующее простому и сложному предложению. В сложном предложении оно сформировалось позже, поэтому на уровне сложного предложения отсутствуют «балтизмы» и «полонизмы», отражающие результаты более раннего развития этого поля внутри простого предложения.

Исследуемая территория, говоры которой исторически сложились как переходные русско-белорусские, представляет собою «вибрационную зону», где, с одной стороны, в поле объекта сохраняются очень старые явления, а с другой — здесь встретились волны новаций с востока и запада, в свою очередь, часть восточных новаций с этой территории распространилась на запад, а западных — на восток.

¹ Гаджиева Н. З. Принципы ареального описания языков // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 176, 177.

² История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. М., 1983. С. 46.

³ См.: Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность: Балто-славянская проблема // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. Вып. 2.

⁴ Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. С. 364.

⁵ См.: Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность... С. 145.

⁶ См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 156.

⁷ Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983. С. 272.

Н. И. МОРОЗ

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ ЯЗЫК.

(На материале русского и белорусского поэтических текстов)

Разнообразие научных работ по изучению категории окказиональности¹, некоторая несогласованность в терминологии, отсутствие адекватных представлений в вопросе разграничения (или неразграничения) окказиональных и потенциальных слов (ср. точки зрения А. Г. Лыкова и Э. Ханпиры), неизученность функционального аспекта касательно окказиональной лексики и многое другое говорит о том, что эта тема находится на стадии изучения теоретической и трансляционной лингвистикой и в ней еще много нерешенных вопросов.

Что касается переводческой практики, то, несомненно, категорию окказиональности можно отнести к разряду «непереводимого» при любой трансформации, которой подвергается текст на исходном языке в ходе его преобразования в текст на языке перевода².

Являясь одним из проявлений креативной функции языка, окказиональность находит свое наиболее продуктивное выражение в языке поэзии, а у некоторых авторов, мастеров индивидуального словотворчества, является выражением неотъемлемой особенности авторского видения.